

Через полтора месяца после шумного открытия в лавку явились двое служивых в чёрных одеждах. Они заявили, что прибыли по приказу губернатора столицы для проверки рыночных запасов. Один из них принялся ковырять ткани бамбуковой палочкой, тщательно осматривая материал, а другой велел всем четверым поочерёдно подняться и ответить на вопросы об их личности.

Готовясь к строгой проверке регистрации в Гуаньчжуне, четвёрка заранее подготовила все необходимые документы и легенды, так что у каждого был готов ответ. Когда посланцы управы обращались к ним, они спокойно и без суеты называли свои вымышленные имена.

По заведённой традиции, император снова воспользовался фамилией своей матери, вдовствующей императрицы:

— Моя фамилия Ван, родом я из Гуаньчжуна.

Хоу Чанпина Вэй Цин, не забывая о своём скромном происхождении, назвал себя именем, которое носил, будучи рабом-конюхом:

— Меня зовут Чжэн, я из Шаньдуна, переехал в Гуаньчжун с матерью.

Затем он указал в сторону и заодно решил проблему хоу Гуаньцзюня:

— А это мой племянник. Родители его почили, оставив без крова и пищи. Скитался он, бедолага, по свету, пока не прибился ко мне в поисках куска хлеба.

Чиновник постарше смерил Хо Цюйбина взглядом с ног до головы и поцокал языком:

— Экий молодец! Да неужто такой юноша может остаться без еды и крова и прийти в Чанъань побираться? Не кроется ли здесь какой-то умысел?

Опытный крючоктор, он задавал вопросы едкие и каверзные, на которые было трудно ответить. Стоило оступиться, и последствия могли быть весьма неприятными. К счастью, хоу Чанпина в своей бедной юности посмотрелся на таких людей и был готов к подобному повороту. Он тут же рассмеялся, сделал два шага, обошёл служивого сзади и, как бы невзначай, сунул ему в руку мешочек.

В отличие от более поздних, зрелых политических систем, в Западной Хань ещё сохранялись пережитки эпохи Вёсен и Осеней и Воюющих царств, когда должности и земли считались кормушкой для одного рода. Кто у горы живёт, тот горой и кормится, а кто у власти — тот властью. В такой атмосфере для чиновников всех рангов было в порядке вещей использовать своё служебное положение для личной выгоды. Понятия о честности, неподкупности и

служении обществу ещё не стали всеобщим убеждением.

Именно поэтому, ещё до открытия лавки, хоу Чанпина, с одобрения Его Величества, заранее подготовил деньги для подкупа. Теперь, услышав неладное в их словах, он лишь слегка качнулся в сторону, и кошель с медными монетами незаметно перекочевал в нужную руку — всё было проделано плавно, как по маслу.

Старший из гостей намётанным глазом оценил размер кошель и тут же догадался о его содержимом. Он усмехнулся:

— Раз уж вы так любезны, мы не смеем отказываться. Но позвольте спросить, молодой человек, эти деньги только нам, братьям, или в них включён и государственный налог? Если и налог тоже, то боюсь, этого будет маловато.

Вэй Цин уже собирался ответить, но, услышав последние слова, опешил:

— Государственный налог? Мы уплатили все налоги за этот год в полном объёме, вот и квитанция из управы имеется.

— Я служу в управе губернатора столицы и, конечно, знаю об этой квитанции, — неторопливо ответил старый чиновник, явно подготовившийся заранее. — Однако в этом году вышло новое постановление: все торговцы, въезжающие в Гуаньчжун, обязаны платить «налог на лодки и повозки». А это значит, что те, кто прибыл на повозке или лодке, должны уплатить сбор. Все долги необходимо погасить в установленный срок...

Вэй Цин на мгновение замер, не находя слов. Сидевший за прилавком император нахмурился:

— Разве «налог на лодки и повозки» рассчитывается так?

«Почему я об этом не знаю?»

Да, чтобы пополнить казну после нескольких крупных войн, император действительно последовал совету Чжан Тана и впервые ввёл этот налог, обложив сбором транспорт купцов. Но наследие эпохи императоров Сяо-вэня и Сяо-цзина, с их политикой «покоя и восстановления», ещё было живо, и император не хотел портить картину. Поэтому этот налог должен был иметь множество исключений и взиматься лишь с некоторых крупных торговцев, а не со всех подряд, да ещё и с требованием «погасить в срок»!

«Таких гнусных дел двор пока ещё не совершает!»

Конечно, позже, когда решающие битвы на севере и в Западном крае, а также бедствие, вызванное колдовством «гу», опустошили казну до дна, императору пришлось, наплевав на приличия, прибегнуть к самым беззастенчивым способам выкачивания денег, за что он и

снискал себе дурную славу. Но то было позже, а сейчас ситуация ещё позволяла сохранять лицо. Как мог двор издавать такой грабительский указ?

— Я никогда не слышал о таком расчёте! — отрезал император.

— Это оттого, что вы человек недалёкий, — оскорблённый прямым возражением, старый чиновник помрачнел. — Мы с братом служим в управе губернатора столицы. Что же, по-вашему, вы знаете законы Великой Хань лучше нас?

По правде говоря, здесь действительно не было никого, кто знал бы законы лучше императора. Но об этом, конечно, нельзя было сказать вслух, оставалось лишь сверлить вымогателей мрачным взглядом. Вэй Цин, оказавшийся между двух огней, поколебался и убрал мешочек с деньгами.

Если бы эти два крючоктвора просто вымогали взятку побольше, пусть даже и непомерную, хоу Чанпина, возможно, скрепя сердце, заплатил бы, а потом успокоил бы разгневанного государя. Но как только прозвучали слова «налог на лодки и повозки», он не мог отдать им ни единого медяка. Открытое искажение государственных установлений по закону считалось подделкой императорского указа. Если бы чиновники вымогали деньги, ссылаясь на поддельный указ, а великий генерал подчинился, не означало ли это, что он признаёт этот фальшивый указ?

Последствия такого поступка были бы катастрофическими. Даже ради блага девяти поколений рода губернатора столицы хоу Чанпина не мог больше произнести ни слова.

Увы, два крючоктвора, очевидно, не оценили добрых намерений генерала Вэя. Увидев, что торговец по фамилии Чжэн убрал деньги, молодой чиновник тут же изменился в лице:

— Вы что же, собираетесь противиться указу? Какая дерзость!

— Согласно законам Хань, решать, было ли оказано сопротивление указу, вправе лишь канцлер и великий цензор-секретарь, — холодно произнёс император. — Неужели вы можете решать такие важные дела одним своим словом?

— Какой острый язык! Тебе бы не торговлей заниматься, а законы изучать да служить при дворе, цены бы твоему языку не было! — Крючоктвора, привыкший к беспрекословному подчинению на рынке, не мог стерпеть такого тона и расхохотался. — Жаль только, что в Чанъане законы, да и во всём Гуаньчжуне, устанавливает управа губернатора, и таким, как ты, слова не давали! Ты кто такой, чтобы перечить воле двора? Что, по-твоему, губернатор, поставленный управлять этими землями, разбирается в законах хуже тебя? Щенок, которому в жизни не суждено даже порог дворца Вэйян переступить, ещё смеет рассуждать о «законах Хань»! Да ты... ты... Посмотрел бы на себя в лужу!

Чиновник так долго и безнаказанно хозяйничал на рынке явно не благодаря своей кротости и учтивости. Разгневавшись, он изрыгал такие грязные и ядовитые ругательства, что их было

тошно слушать. Император, услышав лишь несколько фраз, резко изменился в лице, а хоу Гуаньцзюнь шагнул вперёд и схватился за весовой стержень, лежавший под прилавком. Конеч стержня был специально заточен, и в умелых руках он мог стать коротким мечом.

В этот критический момент сидевший сзади Му Ци вдруг кашлянул.

— Малое нетерпение может погубить великое дело, — тихо напомнил он.

Император хмыкнул, не сводя тяжёлого взгляда с обидчиков. В юности, когда он инкогнито путешествовал под видом хоу Пиньяна, ему тоже доводилось встречать мелких людишек, не знавших своего места. А император У-ди был явно не из тех, кто стерпет плевки в лицо и смиренно утрётся. Обычно он тут же приходил в ярость и приказывал сопровождавшим его стражникам действовать. Какое ещё «малое нетерпение может погубить великое дело»? Император У-ди всю жизнь жил в своё удовольствие и вряд ли часто «терпел»!

«Ты что, Великая вдовствующая императрица Доу, чтобы император ради тебя терпел?»

Видя, что уговоры не действуют, Му Ци лишь вздохнул и почти шёпотом добавил:

— ...Конечно, отомстить — это приятно. Но на рынке так много торговцев, кто из них может позволить себе такую месть? Уездному начальнику стоит об этом подумать.

Услышав эти слова, император, до этого стиснувший зубы, дёрнулся.

Очевидно, если вначале торговля тканью была лишь прикрытием, то после нескольких публичных похвалб господина Лю её суть совершенно изменилась. Она превратилась в политическое пари между ним и Му Ци, в дело чести, в способ для государя вернуть себе достоинство. Этой маленькой лавкой император У-ди должен был доказать Му Ци, что его правление не основано на грубой силе и безжалостной эксплуатации. Что при нормальных условиях торговец может спокойно вести дела, обеспечивать себя и даже процветать под защитой законов двора. Если бы ему это удалось, все прежние обвинения рассыпались бы в прах, и он одержал бы безоговорочную победу.

Раз уж торговля стала политической игрой, логика действий полностью менялась. Император, конечно, мог приказать хоу Гуаньцзюню избить этих наглецов до полусмерти или даже пристрелить их из лука. Но избив и убив их, он автоматически признал бы своё поражение без всякой надежды на реванш. Какой торговец в Чанъане осмелится пойти против властей? Если император сам прикажет убить чиновников, не будет ли это означать, что при его мудром правлении торговцы лишены всякой защиты и могут отстаивать свои права только силой?

Это обвинение было куда страшнее любого оскорбления. Поэтому император, с мрачным лицом посидев несколько мгновений, всё же махнул рукой, приказывая Хо Цюйбину отступить. С трудом сдерживая гнев, он процедил сквозь зубы:

— Сколько нужно заплатить?

Чиновники усмехнулись, наслаждаясь своей властью. Конечно, они не собирались проявлять снисхождение к тому, кто посмел им перечить. Наоборот, они решили преподать ему урок, который он запомнит на всю жизнь.

— Немного, немного! — лениво протянул старший. — По установлениям двора, за одну повозку — сто пятьдесят монет. Посмотрим, сколько у вас тут ткани... Заплатите-ка тысячу восемьсот монет!

Император: «??!!!»

Во-первых, даже по самой высокой ставке «налога на лодки и повозки» сбор составлял не более ста двадцати монет. А во-вторых...

— ...Тысяча восемьсот монет — это за двенадцать повозок, — процедил он сквозь зубы. — Откуда в этой лавке двенадцать повозок?

— А ты, я вижу, считать умеешь, сообразительный, — неторопливо ответил вымогатель. — Жаль только, что от твоего ума нет никакого проку. Разве в твоей лавке не двенадцать прилавков? Один прилавок — одна повозка, двенадцать прилавков — двенадцать повозок. Мы, братья, действуем строго по уставу, ни одной монеты меньше.

Сказав это, он сделал паузу, с откровенным наслаждением наблюдая за искажённым от гнева и бессилия лицом торговца по фамилии Ван. Но как ни странно, услышав их угрозы, другой юнец, сидевший за прилавком (кажется, по фамилии Му?), вдруг хихикнул. Его голос звучал довольно беззаботно, словно он совершенно не понимал, что происходит. «Наверное, дурачок какой-то», — подумал чиновник.

Услышав смех дурачка, лицо торговца по фамилии Ван исказилось ещё сильнее:

— ...Вы всегда так делаете?

— Конечно, — усмехнулся чиновник. — А ты что хотел сказать?

— Что, не нравится? — он ухмыльнулся.

Му Ци снова хихикнул. Торговец по фамилии Ван закрыл глаза.

Просидев так долгое время, он, наконец, подавленно заговорил. Его голос был медленным и глухим, словно он с трудом выдавливал из себя каждое слово:

— ...Хорошо, будь по-вашему!

Получив щедрую мзду, служивые, сжимая в руках три пухлых мешочка, покинули лавку. Когда на улице стало тихо, Му Ци неторопливо поднялся и задал давно заготовленный вопрос:

— Что скажет Ваше Величество?

Император взглянул на него и после долгой паузы выдал:

— ...Ты, кажется, ничуть не удивлён.

— Конечно, не удивлён, — ответил Му Ци. — Потому что об этом давно написано. Сказано: «Ханьский дом снизил поземельный налог до одной тридцатой, но постоянно вводил новые поборы, так что платили все, даже калеки. А знатные и сильные захватывали и отнимали поля, и хотя налог по имени был одна тридцатая, на деле составлял пять десятых». Когда знатные и чиновники действуют заодно, налог в сто двадцать монет на местах может вырасти в несколько раз. Налоги, установленные двором, и налоги, которые в действительности платит народ, — это две разные вещи. Не говоря уже о том, что Ваше Величество слишком много тратили на развлечения и войны, что создало огромное давление на казну.

Если «чрезмерные войны» ещё можно было как-то оправдать, то безудержную тягу к развлечениям — никак. Император У-ди на мгновение умолк. Он опустил глаза и через некоторое время произнёс:

— «Знатные и сильные захватывали и отнимали поля»... Весьма проницательное суждение. Кто автор этих слов?

— Ван Ман, — ответил Му Ци. — Тот самый, что узурпировал трон Хань. Вы ведь знаете его?

Император выпучил глаза.

<http://bllate.org/book/16002/1499258>